

Вез не особо привык бродить по нижним уровням Западной башни, но сейчас было самое подходящее время для этого, особенно с тех пор, как один из его новых протеже решил поселиться здесь. Кирия Д'Арка просил об этом, и с его характерным сочетанием настороженного нежелания и доброй грации Император позволил, чтобы ее собственные апартаменты были в той же Башне, что и его, всего девятью этажами ниже. Конечно, Скайуокер не был новичком в махинациях дворцовых силовых игр и ч

Не то чтобы у Веза было с этим никаких проблем; Теперь она была Императрицей, и он не только должен был правильно поддерживать определенный стандарт, но и был более чем счастлив, что Д'Арка оценила этот уникальный образ жизни - достаточно, чтобы она могла захотеть большего.

Подобно шторму, неожиданные, тревожные события предыдущей ночи прокатились с рассветом и теперь могли так легко никогда не произойти, поскольку большинство обитателей обширного Дворца просыпаются в новый день, блаженно не подозревая, что они вообще произошли. Те немногие, кто знал, как Натан, провели остаток ночи в бессонном беспокойстве, и меньше года назад Вез тоже беспокоился бы, слишком хорошо осознавая возмутительное давление, которое Скайуокер выдержал со всех сторон. Хотя Вез ни разу не волновался, как это часто делал Натан, что это сокрушит его Императора; он абсолютно верил в способность Скайуокера выносить все, во что он верил, даже сейчас.

Фактически, то, что когда-то казалось силой, быстро становилось препятствием; потому что как найти трещину в этой броне? Если Вез просыпался, беспокоясь о чем-нибудь в последнее время, так оно и было. Итак, в то время как другие отправились сегодня утром, чтобы сделать тот небольшой ремонт, который был необходим между штормом и ночными событиями, Вез тоже отправился с тем же самым - больше, чем большинство на самом деле, потому что, если все пойдет хорошо, он сделает лучше, чем ремонт ; он восстановит.

Создать новый. И, соответственно, он начал бы сегодня в нетронутых апартаментах новой императрицы в Западной башне. . Квартыры представляли собой улей шума и активности, в них оставалось только пятнадцать из тридцати с лишним комнат, несмотря на огромную рабочую силу ремесленников, которых, казалось, собрал Д'Арка. Однако Вез не потребовалось много времени, чтобы разыскать Императрицу, поскольку ее интерес ко всему этому строительству, казалось, ограничивался единственным завершенным люксом, учитывая ткани и мебель, за которыми следили специалисты-поставщики и дизайнеры.

Вез терпеливо ждал, не торопясь изучать три новых огромных полотна, которые теперь украшали стены зала ожидания. Скайуокер никогда не проявлял особого интереса к своему окружению, за исключением небольшой анфилады из трех комнат, в которую он всегда уединялся в одном углу огромных Перлемианских покоев, так что дворец оставался в значительной степени таким же, каким он был при правлении Палпатина, и Вез оказался тихо. любопытно, насколько терпимо будет вливание свежих идей, принесенное с новой императрицей.

Поскольку ее вкус был к роскошному и величественному, здесь это не шокировало, поэтому Вез подозревала, что какое-то время, пока ее влияние не распространялось на те комнаты, которые использовались в повседневной жизни Императора, она могла свободно править. . Но в конце концов ее уверенность, несомненно, превзойдет ее осторожность, и Вез интересовался, что именно произойдет, когда это произойдет. На сегодняшний день их взаимодействие было в значительной степени терпимым, но Вез была готова поспорить, что новая императрица чувствовала, что она даже не начала оставлять свой след на Дворце или его владельце. На самом деле он на это рассчитывал - в том числе.

Для более масштабных планов требовались определенные предсказуемые и достоверные факты - факты, на которые можно было рассчитывать. Например, явная решимость Д'Арки обосноваться здесь для себя ... или, например, тот факт, что, в отличие от своего предшественника, нынешний Император имел обыкновение оставлять странного врага за спиной, иногда как часть более крупного плана или иногда по причинам, которых Вез никогда не понимал, взяв их зубы, он уклонялся от последнего удара в порыве совести, которую он позже скрывал под впечатляющими логическими обоснованиями.

Вез знал, что это маленькая хитрость, которую он усвоил, отвечая на постоянные суждения и требования Императора Палпатина. Хотя в другое время Скайуокер ' Более узнаваемые связи со старым Императором проявлялись с неопровержимой ясностью, и он давал им отсрочку, просто чтобы снова разбить их по частям. Это не имело значения - дело в том, что у него были враги. Вез оглядел отремонтированную комнату, в воздухе еще стоял густой запах мокрой штукатурки и мраморного раствора, размышляя о том, что при перестройке, будь то империя или квартира, нужно время от времени разрушать, чтобы вернуть утраченную славу.

И действительно, при поиске вероятного кандидата, действия которого в этом случае вызовут гнев Империи без единого голоса поддержки, нужно было обратиться только к одному человеку; Генерал Крикс Мадин, бывший имперский предатель и один из тех немногих врагов, которым пока удалось ускользнуть от Скайуокера, хотя и не без шрамов. Теперь появился человек, которому нужно было точить топор. Это был человек, готовый к манипуляциям - и, как и новая императрица, Вез теперь имел полное намерение использовать любую возможность для достижения своих собственных целей.

Таким образом, то, что изначально было спровоцировано им как простой способ спровоцировать несколько атак повстанцев на имперские цели, и тем самым убедить своего Императора ужесточить ограничения, теперь превратилось в гораздо более смелый и далеко идущий план. Вез использовал собственные методы Люка, чтобы установить контакты с участниками восстания и получить доступ к Мадину, передавая кусочки информации, чтобы направить свое внимание туда, где Вез считал нужным. Ничего такого, что могло бы серьезно подорвать безопасность Империи - Вез не был предателем; На самом деле, напротив, он был патриотом - но достаточно, чтобы завоевать доверие. Уже пять раз, задолго до того, как Вез решил вступить в контакт, Имперская разведка раскрывала планы Мадина убить нового Императора.

Но это был план, который так и не прошел стадии формирования, что в последнее время вновь привлекло внимание Веза; Намерение Мадина захватить и казнить Императора, изображения будут транслироваться по постоянно ослабляющемуся Голонету. Парадоксально, что то, что когда-то казалось Везу ясным аргументом против ослабления таких законов, теперь стало прекрасной возможностью; если такое случится, если Император погибнет, а Джейд возглавит Империю в таких условиях, ее реакция будет быстрой и беспощадной. Она была бы совершенно справедливо возмущена действиями мятежников, мстя против них и используя каждую йоту имперской военной мощи, чтобы превратить их в пыль.

В краткосрочной перспективе она, конечно, будет стремиться продолжить предполагаемые «реформы» Скайуокера, но в глубине души она знала, что именно ослабление таких ограничений убило его, и через год или около того, а может и раньше, она вернется. к ее корням и при минимальном руководстве со стороны Веза, начнется восстановление истинной имперской догмы.

У нее никогда не будет магнетизма, который дает ему уникальное сочетание безжалостности и нравственности Скайуокера, но тогда Империя удерживала на своем троне двух

харизматичных Императоров ситхов; возможно, в этом Скайуокер был прав; пришло время немного стабильности. Это было намерением Веза; Это был План А. Однако совершенно неожиданным развитием событий стало то, что изменение, которое Скайуокер внес в титул Д'Арки в сложном контракте перед их браком, чтобы избежать определенного события, просто послужило для Веза разъяснением его потенциала.

Потому что, если ему удастся ввести Д'Арку в ряды преемников, она тоже станет достойным претендентом на лидерство. Фактически, она вполне может держать внутреннюю дорожку, учитывая ее прошлое и ее поддержку. Правда, Вез очень сомневался, что Скайуокер когда-либо изменит положение Мары как непосредственного наследника, но когда Скайуокер также очень услужливо поднял вопрос о возможности того, что документы, относящиеся к линии преемственности, могут быть `` потеряны '', это еще одна возможность умолял о расследовании. Да, помимо него было пять человек, которые знали содержание этого документа, но такое досадное событие, как прямое убийство Императора руками восстания, было бы очень нестабильной и, следовательно, изменчивой ситуацией.

Однако, несмотря на его попытки получить доступ, удалить или потенциально повредить файл документа, а также его постоянные попытки втянуть Д'Арку в линию преемственности, статус-кво до сих пор оставался неизменным. Тем не менее, это было также хорошо, чтобы распределять риски; Нет ничего плохого в том, чтобы продолжать подталкивать и поддерживать Джейд и Д'Арку, пока ни один из них не осознает его раскол в лояльности.

В конце концов, здесь были поставлены более серьезные вещи, чем несколько ушибленных эго. Было важнее, чтобы Вез был союзником - и, следовательно, имел некоторое влияние на - любого, кто взойдет на трон, чем то, что он больше поддерживал единственную лояльность в эти исключительные времена. И линия возможностей, которая представилась, вдохновленная недавним выделением Императором титула Д'Арки как Императрицы-Консорта, также вдохновила еще на один потенциал, который, несомненно, еще не приходил в голову самому Императору. На данный момент все, что для этого требовалось от Веза, было тонким разъяснением того, насколько гибкой - и, следовательно, насколько выгодной - может быть эта ситуация для амбициозной императрицы.

Остальное зависело от нее. . Комната, в которую его провели, была высшим образцом ее вкуса. Раньше он состоял из четырех комнат, которые и без того были пропорциональны, а теперь представляли собой единое высокое пространство, стены которого были украшены огромными плитами из прожилочного, зеленовато-зеленого агата, массивными кругами, составляющими три четверти высоты высокой комнаты, заключенной в кусочки бледных агатовых квадратов. анфиладу с вкраплениями гранитных фронтонов, анфиладу с еще тремя комнатами столь же величественного вида, которые все еще строятся, хотя в данный момент пустуют - что тоже было хорошо, учитывая то, что хотел сказать Вез. Сама Императрица была ярко-алым пламенем на фоне свинцово-оливковой зелени, шлейф ее длинного плаща упал в изящную лужу на все еще пыльный пол, оставшись незамеченным. Вежливо поклонившись, Вез двинулся вперед, сосредоточив внимание на предстоящей задаче. .

Кирия повернулась, когда вошел старший помощник Императора, остановившись, чтобы исполнить свой обычный безупречный поклон прямо в комнате, когда слуга отступил, оставив их одних в гулком зале. «Доброе утро, ваше превосходительство. Квартиры продвигаются очень впечатляюще». Кирия кивнула, притворяясь вежливой. «Доброе утро, командер Рис.

Да, я надеюсь, что уладимся к середине следующего месяца», Верный своему слову вчера вечером, Вез Рис действительно связался с Кирией рано после завтрака, хотя, по правде говоря, он мало что объяснил, попросив вместо этого встретиться лицом к лицу. Когда Кирия

пыталась подтолкнуть его к разговору с вечно замкнутым Императором, Рис уклонился от этого вопроса, придавая форму оправданиям ранее существовавших обязательств и сославшись на время, возможно, позднее на этой неделе. Несмотря на это, Рис, казалось, изо всех сил старался дать Кирие понять, что в нем есть союзник, поскольку он, как и она, является защитником Империи и всего, что она отстаивала. Именно это небольшое отступление пробудило ее интерес - и надежда, что она сможет вытащить немного больше от упрямого помощника о событиях прошлой ночи. «К тому времени вы собираетесь закончить квартиры?» - спросил Рис, оглядываясь по сторонам. "Полностью." - очень уверенно сказала Кирия.

"У них тоже есть имя; я бы очень хотел называть их апартаментами Сигми, в знак признания того, что там находится семья Д'Арка, хотя это, конечно, на усмотрение Императора. Я был бы очень признателен за встречу с его Превосходительством. обсудить этот факт лично, хотя в настоящее время это кажется немного трудным ". Она оставила последнее повешение как вызов, хотя знала, что помощник не будет взволнован этим поступком.

«В самом деле, мэм. У Императора очень плотный график. Я, конечно, представлю вашу просьбу и сделаю все возможное, чтобы она была удовлетворена при первой же возможности». «Возможно, когда вы сделаете это, сэр, вы также сможете попросить императора о снисхождении в объяснении прошлой ночи». Рис оставался неподвижным секунду или две. «Как я объяснял в то время, Император практиковал мэм. Он часто практикует строфу для светового меча в одиночку, все это знают». "Посреди ночи?"

«Император регулярно тренируется до поздней ночи. Как вы знаете, он часто путешествует с флотом, поэтому редко настраивается на время Корусанта». «Понятно», - Кирия сделала знающую паузу, прежде чем заговорить. «Простите меня, командир, у меня есть два брата и бесчисленное количество двоюродных братьев, которые сделали выдающуюся карьеру в Имперском флоте ... У меня создалось впечатление, что он всегда действовал по Галактическому времени, как того требует Имперский город».

Теперь это был Рис, который долгое время молчал, глядя на нее темными глазами, но если он надеялся запугать, то выбрал не того противника; Кирия чертовски хорошо знала, что, хотя ей не обязательно получить легкий доступ к нему, она имела снисходительность Императора и намеревалась со временем легко удерживать такой же статус и власть, как Вез Рис. И все же его следующие слова потрясли ее. «Должно быть очень обнадеживающе знать, что можно прибегнуть к такой широкой группе семейных контактов в любой... неудачной ситуации».

Глаза Кирии расширились, и он поспешил объяснять, его выражение не изменилось ни на йоту. «Пожалуйста, не поймите неправильно, мэм, я говорил только в самых общих чертах. Если что-то случится, например, с Императором, было бы самым обнадеживающим знать, что такая краеугольная поддержка была доступна и поддалась. Кирия нахмурилась: «С Императором ничего не случится, командор Рис». «Конечно, не мэм. Но нужно быть готовым ко всем возможностям будущего, и было бы самым обнадеживающим знать, что такая поддержка существует, если бы вы оказались в положении единственного обладателя титула регента».

Кирия сузила глаза. «Моим титулом императрицы является почетный командующий Рис. Я уже заявил, что не претендую на большую власть и не желаю добиваться выдающихся позиций в линии преемственности». «Конечно», - успокаивающе сказал Рис. "Хотя я сожалею, что слышу такое, Ваше Превосходительство. Честолюбие - это сила, а не преступление, и я всегда восхищался вами как женщиной необыкновенного видения. Если бы такая ситуация возникла, я бы успокоился, зная, что могу рассчитывать на вы должны предпринять все необходимые шаги для стабилизации Империи ".

Кирия колебалась долю секунды, сомневаясь, правильно ли она его читает. "А кто должен решать, какие именно шаги необходимы, сэр?" «Те, кто остаются верными Империи, мэм», - ответил Рис, как будто это было очевидно. "Те, кто следят за принципами того, что сделало эту Империю великой, и следуют им в точности. Я испытываю особую страсть к имперским законам и конституции, мэм; это невероятно. Каждый статут был установлен по уважительной причине. каждый имеет свое место в более широкой схеме постоянной стабильности и процветания Империи. Их нельзя просто... оттолкнуть или отклонить.

Продолжение Империи имеет первостепенное значение ». Кирия молча ждала, и высокий помощник выпрямился, его голос снова успокоился, и эта короткая искра явного негодования смешалась теперь с более тонкими намеками. «Наша существующая конституция представляет собой наиболее исчерпывающий и детализированный зверь, мэм. За последние три десятилетия она записала и приняла все мыслимые директивы, разрешающие все возможные события, какими бы примечательными они ни были», - Рис остановился на мгновение перед продолжая плавно.

"Вам может быть интересно услышать, например, что среди королевских домов хорошо известно и, следовательно, в качестве юридического прецедента, что если бы между Императором и Императрицей - законной наследницей - возникла линия генетической наследственности - и Император должен был умереть, тогда существующий конституционный закон уже постановил, что независимо от его возраста генетический Наследник будет предшествовать всем другим претензии на престол. И если, например, это должно было произойти, когда ребенок был еще младенцем - даже если он еще не родился - тогда существующий закон требует, чтобы был принят статут лорда-протектора, и суррогатный правитель будет удерживать трон в доверенности. пока его правопреемник не достиг совершеннолетия ". Кирия слегка прищурилась: «Я уверена, вы знаете, командующий, что брак между мной и Императором остается политическим... пока».

«Да, ваше превосходительство. Однако ... если, например, что-то случится с Императором в ближайшем будущем, я также знаю, что некоторые ... генетические образцы хранятся в безопасном месте. И я понимаю, что традиционно не публично объявить о зачатии ребенка по крайней мере до трех месяцев беременности ... " Он сделал паузу, и Кирия точно поняла предложение, которое он делал на столе, хотя и промолчала. "Неважно, был ли этот ребенок объявлен до смерти Императора или нет. Он все равно будет прямым, законным генетическим наследником и, как таковой, приведет в действие закон лорда-протектора. Как ближайший выживший родственник, мать Наследник, будь то императрица-регнант или императрица-консорт, автоматически возьмет на себя роль лорда-протектора, поместив ее на трон, пока ее сын не достигнет совершеннолетия. Рис снова улыбнулся, давая Кирие время переварить это.

«Я считаю, что право - такая увлекательная тема. Полна неожиданных сюрпризов, скрытых незамеченными в его необъятности». Кирия моргнула, стремясь изучить весь смысл всего, что он так небрежно сказал. «Похоже, вы потратили много времени на изучение сложностей закона, сэр». «Как я уже сказал, это моя страсть, мэм, и я считаю это временем, хорошо потраченным на благо Империи. Это никогда не бывает зря». "На благо Империи?" «Всегда. Такие конституционные принципы являются основой его силы. Нельзя просто ... изменять аспекты этой конституции по своему желанию без юридического прецедента. Я смотрю на вас и ваш Дом, Ваше Превосходительство, и вижу истинное понимание этого - признательность статус-кво и стабильность, которую он обеспечивает ... будет продолжать обеспечивать во что бы то ни стало ". «Вы многое видите в доме Д'Арка».

Он серьезно кивнул: «Конечно, верю - и в вас самих, ваше превосходительство. Потенциал для... больших вещей. Кирия пристально посмотрела на него. «В настоящий момент кажется,

сэр, что у меня нет даже поддержки, чтобы позволить мне увидеть Императора. Любой более крупный замысел наверняка потерпит неудачу при таком простом препятствии». Рис слегка поклонился: «Я, конечно, буду усердно работать, чтобы привлечь к вам аудиенцию, ваше превосходительство. Я уверен, что вы знаете, что у Императора очень маленький и очень бдительный круг доверенных доверенных лиц - но, возможно, небольшая поддержка со стороны кого-то из его членов. может принести вам большую пользу.

«У меня есть все намерения занять там свое место, командир, для начала». Вез слегка поклонился, собираясь уйти: «Мне очень приятно это слышать, мэм. Я всегда считаю настоящим преступлением растрату способного и целеустремленного ума - того, что при правильной поддержке может пойти так далеко». Кирия только один раз кивнула, когда высокий, массивный помощник отступил назад и повернулся, чтобы уйти, уже мысленно прокручивая разговор, не зная, правильно ли она его прочитала. Но нет, конечно, нет ... Что делать с такой информацией, никогда не обсуждалось, но как... это было настоящим минным полем.

Поздно днем командующий Рис снова приказал секретарю провинции Кириа выполнить свое последнее обещание, оставив сообщение, в котором говорилось о том, что, к сожалению, Император все еще не сможет встретиться с ней из-за неотложных государственных вопросов. Он оставил долгую, напряженную паузу для размышлений, прежде чем заявить, что сам был бы счастлив обсудить это дальше с императрицей, если она пожелает. «Если это так, - осторожно добавил он, - то он точно знал, что будет свободен с семи и позже этой ночи, поскольку это было время, когда Император в противном случае был бы занят в Зале записей, проводя частные чтения и оценку после своей встречи. со своими старшими помощниками, как всегда.

Кирия не упустила этот намек и неожиданно вошла в Зал рекордов ровно в семь без шестого, обнаружив, что Император сидит в одиночестве среди длинных массивов чипов данных, его сшитый на заказ пиджак сбросил и бросил на ближайший стул. когда он сидел на другом, положив голову на руку, пока он склонялся над авточитателем, ум погруженный в задачу. «Добрый вечер, ваше превосходительство». Она не потрудилась выглядеть удивленной, как будто это была случайная встреча; она уже знала его достаточно хорошо, чтобы понимать, что это не сработает. Тем не менее, когда он повернулся, было ясно, что его застали врасплох; он, должно быть, действительно был поглощен своей задачей. «Леди Кирия».

Он выглядел усталым; истощенный и истощенный, кожа бледная с темными обводками вокруг глаз, вероятно, из-за бессонной ночи. Но он вежливо встал, когда она шла вперед, и она знала, что он будет достаточно любезен, чтобы признать, что теперь его поймали. "В полном одиночестве?" "Занятый." Люк взглянул на дверь. Достаточно плохо, что он уделял так мало внимания, что его вообще поймали, но быть пойманным Кирией было двойным разочарованием, поскольку он чувствовал, что не может просто отвернуться или отпустить ее, поскольку «Да, я слышал. Есть такая вещь, как слишком много работы, ваше превосходительство, даже для императора». «Если бы вы могли просто сообщить Империи, что ...»

Она улыбнулась: «Я постараюсь». Люк отступил, надеясь довести это до подходящего конца, но Кирия не поддавалась так легко: «Ты поел?» "Какая?" «Вы всегда кажетесь очень занятым, ваше превосходительство; надеюсь, вы поели сегодня вечером». Люк нахмурился: «Почему все одержимы моими привычками в еде?» «Возможно, мы все чувствуем необходимость позаботиться о тебе». «Мне не нужна ничья забота, спасибо». Кирия изучала его в течение долгих секунд, удивленная резкостью в его голосе, сформированной его абсолютным отказом от всякого беспокойства. «Тогда, возможно, небольшая компания, вы кажетесь навсегда

изолированным». Легкий проблеск настороженной сдержанности промелькнул в краях этих отличительных, несовместимых глаз.

«Я одна очень маленькая, спасибо». Кирия наклонила голову, позволяя своей вере формировать ее тон: «Я думаю, что ты все время один». Еще один щит упал на место перед ее глазами, и Кирия обнаружила, что отступает вербально, когда Император отступил физически. «То есть, я подумал, что вы оцените компанию кого-то, кроме официального... Я имею в виду компанию, на которую не возлагалась никакая ответственность...» Удивительно, но ее взволнованный ответ дал отсрочку в виде полускрытой улыбки на его губах. "Я знаю, что Вы имеете ввиду." Он быстро отвел взгляд, отбрасывая вспышку надежды Кирии.

«Боюсь, у меня сейчас очень мало времени. Я должен быть в Тренировочном зале менее чем через час, и мне нужно ознакомиться с деталями, которые командир Арко прислал относительно TSC с верфей Fondor ...» Он остановился, и Кирия знала, что это должна быть конфиденциальная информация, поэтому не предприняла никаких действий, чтобы подтолкнуть его. Такое доверие пришло только со временем - и доказательством верности. При упоминании им Тренировочного зала она старательно не нахмурилась, зная, что на этот раз это назначенное время, и зная, кто будет там. Сначала она думала, что он практиковал только световой меч в огромном зале, зная, что во Дворце было несколько исключительных традиционных дуэлянтов на мечах и саблях, которые посещали такие занятия с Императором - строго только по приглашению.

Но несколько месяцев назад она узнала, что он давно имел привычку проводить два отдельных двухчасовых занятия в неделю, практикуя рукопашный бой с маленькой убийцей Палпатина, Марой Джейд. Она, конечно, не упомянула об этом - пока нет - хотя она все еще думала об этом как о чем-то, что в конечном итоге придется прекратить. Однако такие задачи были для нее, когда она укрепила свое положение. Между тем у нее был фундамент, который нужно было построить, и это столь востребованное доверие по-прежнему требовало доказательств верности. И все же теперь она колебалась; иметь доказательства - это одно дело, говорить об этом вслух, говорить факты и не быть запятнанными ими - быть уверенным, что Император не стрелял в вестника ...

Ей очень хотелось, чтобы что-нибудь сломало эти преграды; что-то, что могло бы доказать ее верность и убежденность, что-то важное и важное, известное только ей одной ... будь осторожен в своих желаниях. Он смотрел на нее долгие секунды, пока она останавливалась. Она не побледнела под этим взглядом, она была в этом уверена, но когда он заговорил, сомнений не было. "Что-то вас беспокоит". Это не было вопросом.

Она слегка улыбнулась: «Вот как все пойдет - я для тебя ясен, как кристалл, но ты для меня совершенно непроницаем». Она имела в виду это как шутку, но он отвернулся, почти извиняясь. «Я редко читаю мысли других, если у меня нет веской причины ... но вы пришли сюда, чтобы сказать что-то». "Ваше превосходительство, могу я быть откровенным?" . Люк смотрел на нее несколько секунд, пытаясь вычислить, что она на самом деле говорила. Люди редко искренне просили разрешения говорить правду, потому что независимо от того, сказал кто-то «да» или «нет», все, что они сказали в ответ, можно было принять за факт.

Кирия Д'Арка была умной, расчетливой и всегда смотрела на Люка с той же смесью уважения и восхищения. Он понял, что не из-за самого Люка, а из-за должности, которую он занимал. «Всегда, - сказал он наконец, - я не ожидал меньшего». «Я... не знала, доводить ли это до вашего сведения - я обдумывала весь день». Она снова остановилась, искренне нервничая, Люк это чувствовал довольно ясно. . Кирия взглянул на Императора, осознавая, что его уникальные, сверхъестественные глаза были теперь остро сфокусированы, его внимание интенсивно. Она на

мгновение задалась вопросом, читал ли он ее мысли, извлекая из них правду, прежде чем она прошла с ее губ. Если так, ей следует действовать дальше, потому что ей нужен точный контроль над своими словами и фактами в этом самом внимательном разговоре. «Он ... думает, что ведет себя очень осторожно, я уверен.

Он думает, что если он не совсем произносит эти слова, то то, что можно было бы передать, но ... простите меня, ваше превосходительство, я не инженер; это конкретная среда - это моя страсть и мое наследие. Я знаю эту обстановку, я знаю ее язык и... и я знаю крамолу, когда слышу ее, даже если тонко сказано ». Люк прищурился, совершенно внимательный: «Продолжай». «... .. Командующий Рис приходил ко мне сегодня в мои апартаменты в Южной башне. Он... указал, что если с вами что-то случится, есть способы, которыми я могу прийти к власти». "Какими способами?" Здесь Кирия споткнулась; поскольку она не одобряла мотивы Риса, методы, которые он цитировал, были в ее собственном сознании, хотя и по совершенно другим причинам. Она полностью намеревалась прорваться в замкнутое окружение Императора, а оттуда в его жизнь.

Она полностью намеревалась стать Императрицей в самом полном смысле этого слова, в том числе быть матерью наследника Империи. Мелкие интриги Вез Рис посягнули на эти планы, и именно это заставляло ее молча размышлять целый день, не зная, как действовать дальше. Было бы очень полезно подыгрывать Рису какое-то время, получая от него любую информацию, которую она может получить, используя его, чтобы помочь ей проникнуть в закрытый мир Императора ... но это также было бы чрезвычайно опасно, потому что рано или поздно ситх Император узнал бы правду - может, он уже знал. Не было ни взрыва, ни возмущения; Кирия внезапно осознала, что его первые слова не были ни отрицанием, ни обвинением, а всего лишь поиском разъяснений.

Возможно, тогда он уже знал. Кирия вздохнула с облегчением от собственной поспешности в этом, потому что, если бы выяснилось, что Кирия колебалась хотя бы один день, чтобы сказать ему, Император справедливо изгнал бы ее из Двора, возможно, даже полностью отдалил бы ее. По крайней мере, то небольшое доверие, которое существовало между ними, было бы полностью разрушено. Таким образом, она кое-что приобрела; фактически, это принесло ей то, что она быстро осознала, было самым ценным из всех в глазах Императора; доверять. Если бы она играла своей рукой осторожно - что она всегда делала в отношении Императора. «Он процитировал закон, сказал, что существуют прецеденты, которые могут привести меня к власти, если что-то случится с вами.

Простите меня, сэр, я думаю, что здесь важно то, что командир Рис говорил так, как будто ваше отстранение было предпринятым фактом. Я хотела донести до вас. Если я говорю не по назначению вашего помощника, я прошу прощения и надеюсь, вы понимаете, что это только из-за беспокойства о ... "она замолчала, ее глаза искали его, и он посмотрел прочь. Но если он не хотел от нее интимных забот, то, по крайней мере, теперь он понимал, что и у нее не было скрытых амбиций выше, чем у императрицы. «Вы не говорили вне срока... спасибо. Вы понимаете, дальше этого не пойдет». Кирия кивнула, не отрывая взгляда. "Вы его задержите?" "Нет." "Нет?" От удивления она чуть не споткнулась об этом слове.

«Превосходительство», - она замолчала, явно подыскивая слова. «Дело в порядке. Если я смогу позвонить тебе, когда придет время, чтобы под присягой повторить то, что ты мне только что сказал?» «Под присягой? Да, конечно, но, сэр, вам незачем судить». «У меня есть все, что нужно - и для этого мне нужны доказательства». "Свидетельство?" Он не понял? Он определенно знал свое превосходство. «Но, как Император, у тебя есть высшая сила за пределами...» «Никто не стоит выше закона - больше нет». "Превосходительство ..." "Люк". Кирия замолчала на полуслове, потрясенная открытым тоном его голоса, когда он продолжил:

«Однажды я спросил вас, собираетесь ли вы называть меня» ваше превосходительство навсегда », и вы сказали мне, что не знаете, как еще меня называть. это Люк ".

"Люк". Кирия кивнула, осознавая, что с ее губ расплывается медленная широкая улыбка, которая формирует все ее лицо. «Меньше глотка», - он тихо пожал плечами, застенчиво, и ей показалось, что она услышала намек на что-то еще в его акценте, что-то гораздо менее формальное. «Но хорошее имя». Он криво улыбнулся, понимая. "Что вы уже знали". «Да», - без колебаний признала она. «Но это не давало мне права называть вас им - до сих пор». Он взглянул вниз, и Кирия отстранилась, нервничая, что она слишком рано перешагнула планку, ища более безопасную тему. «Вы понимаете, что я впервые вижу вас без куртки».

Это было сказано и получено с юмором, но под этим было скрытое послание, которое Кирия стремилась подчеркнуть. «Я считаю, что ты мне больше нравишься в твоём беспорядке. Это кажется гораздо более... интимным. Я чувствую, что могу поговорить с тобой о более повседневных вещах». "Как что?" Она улыбнулась, воспользовавшись открыто предоставленной возможностью: «О, я не знаю - тот факт, что после того, как я вчера наблюдала за повторным открытием библиотеки Инкарта для публики, глупая маленькая собачка-мопс Барона Гатона заболела на ступенях и грозном Леди Бел-Тора поскользнулась на нем прежде, чем кто-либо смог его почистить. " Он подавил легкую искреннюю улыбку, и это полностью изменило его лицо, в одно мгновение растопив годы задумчивой гравитации, а длинный шрам на щеке превратился в изогнутый полумесяц. Кирия почувствовала, как ее щеки приподнялись, когда она посмотрела вниз с притворным стыдом. «Мне пришлось извиниться, чтобы пойти и посмеяться в уединении, иначе я подумал, что лопну».

Она замолчала, глядя на него, ожидая какого-то ответа, надеясь втянуть его в себя: «Ты считаешь меня неподобающим?» "Я думаю, что вы очень человек", Она склонила голову набок, осмеливаясь: «Раз уж мы говорим о человеческих слабостях, могу я задать вопрос?» В его усталых глазах появилась легкая подозрительная морщинка, но он все равно кивнул. «Ваш акцент», - сказала Кирия. "Это не родное?" «Большинство людей этого не замечают».

Кирия пожала плечами: «Честно говоря, я тоже, но мой отец однажды сказал мне, что он помнил, как ты говорил по-другому, когда впервые был здесь. Я пытался расспросить Натана Холлина об этом, но он обычно сдержан». Люк замолчал, задумавшись; его прошлое было пустой страницей; Палпатин позаботился об этом в течение нескольких недель после своего прибытия сюда и вел себя как обычно. Сказать Кирие слишком много было явно неосмотрительно, учитывая политические махинации ее отца, несмотря на то, что в настоящее время он был верен Люку. Верность не обязательно означала надежность, и почва здесь могла меняться под ногами с невероятной скоростью.

И, конечно же, со временем он стал хорошо осознавать, что его двусмысленность оказала на него определенное влияние. И все же было несправедливо утаивать так много от женщины, которая до сих пор так сговорилась. Она, несомненно, должна осознавать, что Люк стремился держать ее на расстоянии вытянутой руки, и он не мог представить, каково это - находиться в таком положении одновременно силы и беспомощности ... или, возможно, он мог вспомнить только это, Он неохотно вздохнул, затем сказал: «Я вырос в мире Обода - полагаю, для защиты». Что было правдой... с определенной точки зрения.

«Если хочешь услышать мой настоящий акцент, подожди, пока что-то пойдет не так, и я начну ругаться - тогда я всегда, кажется, снова это обнаруживаю». Она снова улыбнулась, забавляясь: «Я не могу представить, что ты ругаешься». Люка искренне удивило то, что она так мало его знала. Он не осознавал, что был так закрыт для нее. «В самом деле? Тебе стоит прийти в тренировочные залы и посмотреть, как я тренируюсь со световым мечом с пультами

однажды. Я получаю немного описательное - Натан говорит, что это было образование». «Я бы очень хотела это сделать», - легко сказала Кирия, и улыбка стала шире. «Приходи посмотреть, как ты тренируешься, а не слушать твои проклятия с акцентом мира Обода».

Мара лежала на голом полу, темное дерево макассара холодило ее разгоряченную спину, глаза были закрыты, грудь все еще вздымалась после последнего всплеска активности. Последний бой вечера в этих боевых тренировках в значительной степени превратился в беспрепятственный бой, поскольку уровень навыков Люка повысился, и хотя ей иногда все же удавалось опрокинуть его в рукопашном бою, сегодня вечером, когда она, наконец, уронила его, он развернулся, когда упал, выхватил руку, чтобы вытащить ее ноги из-под нее и с громким стуком посадить ее на спину, где она оставалась последние несколько минут, возвращая ей дыхание. «Ты дергаешься грязно», - наконец сумела она.

"Мне?!" Люк поднял голову с пола, где он лежал поблизости: «Я думаю, ты сломал мне ребро». «Перестань жаловаться, у тебя есть другие». Мара услышала глухой удар, когда его голова упала на пол, и уставилась в далекий потолок, ухмыляясь во мрак. Когда они тренировались, освещение всегда было слабым; у человека редко был идеальный свет, когда нужно было сражаться; слушать было так же важно, как смотреть. «Если тебе от этого станет легче, я ударил себя до мозга костей, когда сделал это». «Подожди... нет, все еще болит». «Видишь, я бы рассмеялся, но моя забавная косточка вышла из строя». «Но, видимо, не твоя саркастическая кость». Он говорил с этим мягким, легким акцентом Римского Мира, и, не глядя, она могла слышать его улыбку в тоне его голоса.

Они молчали еще несколько секунд, единственный шум в огромной комнате - их затрудненное дыхание. В конце концов Мара протянула руку и подтолкнула его носком ботинка: «Хорошо, вставай». "Вы встаете." «Мне не нужна практика». «Верно. Ты всегда такой саркастичный». "Привет!" Нежный толчок превратился в свободный толчок: «Я говорю, если бы это было по-настоящему, тебе бы пришлось вставать раньше». «Если бы это было на самом деле, я бы использовал Силу и остановил вас примерно в то же время, когда вы вошли в зал». «Нет силы». «Я просто говорю, если ». Мара нахмурилась, полуобернувшись, чтобы бросить высоковольтный взгляд. «Лучше тебе когда-нибудь воспользоваться всем этим, Скайуокер; лучше бы я не получил все эти синяки просто так».

«Верно, потому что это пройдет у меня в голове, когда появятся семь парней с Force-pikes; Подожди, нет, я буду использовать рукопашный бой вместо Силы, просто чтобы Мара была счастлива » ». Мара приподнялась на локте и увидела Люка в трех шагах от того места, где она швырнула его, все еще лежащего на спине, с раскинутыми руками. «Я просто говорю, тебе лучше использовать это время от времени». «Я думал, ты был бы счастливее, если бы мне никогда не пришлось его использовать». «Я бы хотел, но мы говорим о тебе. Я полагаю, это лучшее, на что я могу надеяться». Люк слегка рассмеялся: «Хан говорил, что я магнит для неприятностей». «Видишь ли, я знал, что где-то в этом толстом кореллианском черепе у него должно быть какое-то подобие разума».

"Привет!" он наклонился, чтобы вяло наложить на ее ногу наручники, но не смог дотянуться и, очевидно, не удосужился повторить попытку. «На этот раз я тебя отпускаю». "Вы слишком добры." Мара заставила себя сесть, гадая, подходящий ли сейчас момент; ответит ли он ей, если она спросит, или просто проигнорирует ее, как он уже дважды в тот день. «Так ты еще собираешься рассказать мне, что случилось прошлой ночью?» Он долго молчал, закрыв глаза. "Нечего сказать". "Ты все помнишь?" «Я в порядке, это не проблема. У меня было видение, вот и все. Я просто... думаю, я позволил ему добраться до меня».

"Что ты видел?" Он вздохнул: «Семь человек». «Семь человек... вот и все? За семь человек вы

чуть не припалили мне брови?» Он слегка улыбнулся, глаза все еще были закрыты, и Мара наблюдала, как его дыхание замедляется и регулируется в неестественном темпе, и знала, что он снова притягивает к себе Силу, чтобы лучше видеть видение, неуверенная, пытался ли он даже изучить его раньше. к этому моменту. Что-то плотное и глубокое прозвучало на самом краю осознания Мары, пробегая по ее спине, как дрожь, и заставляя ее скальп напрягаться, и она быстро моргнула, чтобы рассеять это, теперь привыкшая к этому знакомому диапазону чувств, тонкому аккорду их общего осознания. всегда щипал, если он призывал Силу, когда был рядом с ней.

«Я был в камере - в этой проклятой камере, и... а они были позади меня; семь человек». Мара нахмурилась: «Какие семь человек?» Люк вздохнул, не открывая глаз, и когда его челюсти напряглись, она поняла, что он раздумывает, стоит ли рассказать ей больше. «Хоть раз в жизни, просто скажи это», - разочарованно отругала Мара. «Почему так чертовски трудно кому-либо доверять?» «Дело не в доверии», - сказал Люк, садясь и подтягивая перед собой колени, обнимая их руками. "Это о... " "Какая?" Он полуобернул голову, чтобы посмотреть на нее разными глазами. «Честно говоря? Не думаю, что вы захотите это услышать». «Это избегание, если я когда-либо слышал о нем».

Он покачал головой, не в силах встретиться с ней взглядом. «Ты вышел на меня в той камере, Мара. Ты покачал головой и ушел, потому что ты сказал мне в лицо, что не мог этого принять. Ты больше не хотел знать, что со мной происходит там, ты не знал. Не хочу знать, что делал Палпатин. Это было слишком сложно, поэтому ты просто отвернулся ». И внезапно боль ее воспоминаний превратилась в ничто по сравнению с волной униженного стыда, захлестнувшей Мару от грубого тона его голоса; не обвинение, не разочарование, просто ... больно.

Отказ. Он никогда не говорил об этом, и она ни разу не спросила его; никогда не хотела знать суровую, бескомпромиссную правду - и когда он никогда не говорил об этом, было легко сказать себе, что он не хотел говорить ее; что это было в прошлом, и все кончено. Что это больше не имело отношения к его жизни; никакого эффекта ... но тон его голоса прямо сейчас говорил о многом - и в тот момент, глядя на напряженные морщинки его лица, избегая ее взгляда, как она могла сказать себе иное? «Ну, может, теперь я готова», - тихо пробормотала она. Он вздохнул, отвернувшись, закрыв глаза, и когда воцарилась тишина, Мара начала задаваться вопросом, решил ли он вообще не говорить. Наконец он испустил еще один вздох, словно пытаясь привести свои мысли в порядок, его голос, когда он говорил тихо и мрачно.

«Я думаю, что он начал привозить их после того, как ты ушел. Красные охранники. Всегда двенадцать. У них были силовые пики или ... или у некоторых была перекладина, просто пола перекладина. Иногда он оставался в комнате и просто наблюдайте ... иногда он не присылал их, пока не ушел, но они всегда приходили. Каждый раз. Двенадцать охранников. Сначала три раза в день, затем пять, затем шесть или семь ...

Я никогда не знал. Иногда они ». Я встряхивал меня посреди ночи, чтобы убедиться, что я проснулся, прежде чем они избили меня до потери сознания ". Он снова надолго замолчал, хмурясь при воспоминании. «Он принимал меня там участие. Каждый божий день он вырезал немного глубже и истекал кровью. Каждое мое воспоминание об этой камере - абсолютный ужас. Абсолютное отвращение... абсолютный ужас. И каждый раз, когда я думаю об этом, я помню тех двенадцать человек ". "Что с ними случилось?" Прошептала Мара. «Я убил их», - просто сказал он. «Я убил их без сожаления. Я убил их ужасно, жестоко... и по сей день я не жалею об этом. Все, что я могу сказать в свою защиту, это то, что это было быстро... быстрее, чем они заслуживали...

Интересно, что я был бы сегодня таким снисходительным ". Его глаза беспристрастно

смотрели в далекие тени, легчайшая морщинка на его лбу, его голос был далеким. «А теперь, внезапно, они снова в моих снах. Я нахожусь в этой проклятой камере, и они стоят позади меня, и я знаю, что они там...», он замолчал, не в силах продолжить, хотя он явно переживал болезненные ощущения. воспоминания в его голове. Мара молча наблюдала, осознавая, как внезапно он мог сбиться с пути, как сломалась его психика, но насколько он был силен, чтобы вообще выжить после влияния Палпатина.

Но разве она не всегда думала, что именно Палпатин сделал его сильным через все эти испытания ... впервые она задумалась; возможно ... может быть, он все равно был силен, а Палпатин просто довел Люка до предела своих возможностей. Она подумала, действительно ли это было для того, чтобы заставить его осознать, насколько он силен, как всегда утверждал Палпатин... или просто ради собственного развлечения. Мара знала, что он хотел своего волка - и, возможно, это был особый, тесно настроенный на Силу образ мышления Люка, каким-то образом влияющий на ее собственный, этот особый тон на самом краю ее слуха, но с этой мыслью в голове внезапно возник поток образов, наводнивших ее. так быстро и так сильно, что Мара ахнула от них; Видение расцвело, окрасилось в алый красный цвет... старое видение, очень знакомое; Бушует буря против ночи ...

Вой охотничьего волка Мара потрясенно поднялась, и Люк мгновенно оказался рядом с ней, зная, что появилось видение. "Что ты видел?" И разве не об этом спросил ее Палпатин, когда она впервые увидела видение? Мара нахмурилась, глаза пропустили темные тени пещерной комнаты: «Я думаю, старое видение, но никогда не вспоминаю его. Я никогда не вспоминаю их, просто ... фрагменты». «Вы меня видели», - безоговорочно сказал он. Я видел волка ... ты уже тогда был? Мара покачала головой, видение уже растворилось в тумане, как всегда, воспоминания о вечно резком разочаровании Палпатина все еще были острыми, как ножи. «Вы видели луну», - подсказал Люк.

«Вы помните - в видении вы видели луну». Мара посмотрела на него: «Ты видел это - ты видел мое видение?» «Я видел фрагменты». Люк заколебался, глядя в сторону, сразу понимая, что у нее на уме. Мара смотрела долгие секунды; «... .. Ты можешь... вернуть меня, сделать так, чтобы я увидел это?» Он не повернулся: «Я не знаю». "Вы можете, не так ли?" Он покачал головой, но все равно не смотрел ей в глаза: «Я не знаю. Возможно. Я не думаю, что это хорошая идея». "Почему?" Наконец он повернулся к ней, черты лица были скрыты в тусклом свете: «Не думаю, что мне стоит отвести тебя в такое место в Силе, куда ты еще не можешь добраться в одиночку». «Я хочу запомнить видение - я хочу увидеть его. Я хочу понять ». «Я научу вас этому, если вы хотите, чтобы я - но постепенно, а не так».

Она шагнула вперед, взяла его руки и подняла их так, чтобы он закрыл ее лицо руками. "Покажи мне?" Он вздохнул, глубоко неуверенно, разрываясь между необходимостью защитить ее и сохраняющимся подозрением, что что-то еще прошептало через видение Мары... Трон; Престол Пророчества. Тем не менее, он покачал головой против собственного любопытства: «Ты не должен идти туда, куда тебе не положено». Она ободряюще улыбнулась. «Ты защитишь меня - я доверяю тебе. Дай мне посмотреть». Он посмотрел на нее - и она поняла; «Дай мне посмотреть», и она будет; если бы он сделал это, он бы просто не заглянул в ее мысли; она увидит его . Если бы он сделал это, ему пришлось бы пустить ее под те идеальные щиты, которые он строил годами, чтобы защитить себя.

Он покачал головой: «Я не могу». «Думаешь, я увижу волка? Я всегда видел». Разве он еще не осознавал, что она всегда понимала. Возможно, это даже было частью того, что ее привлекло. Он покачал головой: «Вы не знаете, что это такое». Мара прижалась ладонями к ее щекам, близость стала для нее всем. «Мне все равно . Мне все равно, что это». Он нежно вздохнул, на мгновение погладив ее щеки, его глаза все еще были неуверенными, полными невысказанного

страха и беспокойства - и как это мог быть волк? Как он мог быть? Затем он только раз кивнул. Внезапно очень нервная Мара облизнула губы.

Ее сердце неожиданно забилося, пропустив удар в груди, как будто от испуга, затем она осознанно остановилась. Выровняв челюсть, она приподняла подбородок: «Я готова». В темной, тихой комнате кончики его пальцев касались ее щек прохладными, успокаивающими, очень настоящими, и она наклонилась вперед, в ладони, проводившие линию ее скул, его близость интимная, внимательная, защитная... «Закройте глаза», - прошептал Люк. . До смерти его отца, а иногда и с тех пор, как они вступали в контакт с помощью Силы, они просто соединялись, чтобы найти успокаивающее чувство друг друга. Теперь у него была цель, и когда Люк обратился к Маре, ничего подобного раньше не было...

Пол исчез из-под ног с внезапностью, которая заставила ее вздрогнуть, ее руки схватили его запястья, все, что было реальным, вылетело из нее в одно мгновение, когда она упала от себя, сердце трепетало вдаль, как эхо реальности. Невероятная сила подняла ее и окружила, как падение в глубокую холодную воду, настолько всеобъемлющую, что она захватила воздух из ее легких, задыхаясь. Ее тащили за собой, втягивали в поток с пугающей скоростью, она не могла двигаться против него, не могла дышать под его тяжестью, головокружительные динамические мутации, ничего твердого, ничего понятного в любом контексте, который она знала. Слишком много - слишком быстро ... и с идеальной точностью он остановился, отступив от нее, давая ей воздух и пространство.

Она сделала малейшее движение, незаметно кивая головой, и это снова окутало ее, все вокруг нее, защищая и направляя, таща вперед в водоворот силы, который кружился и рушился вокруг нее, ужасающе кинетический, хаотично неустойчивый. Она чувствовала, что падает, и понятия не имела, было ли это психическим состоянием или она упала на самом деле, просто ее тело рухнуло под ней. В любом случае, он был здесь, чтобы поймать ее, удержать, защитить и поставить на якорь, даже когда он втягивал ее глубже.

И вокруг нее его осознание, его восприятие, его связь. Интенсивная, неповоротливая масса, глубокое первичное притяжение, подобное повороту галактики, ее размеры слишком велики, чтобы ее можно было понять или определить в ее концепции Силы. И все же он сделал - он придал ему форму, дал направление, И вот, вот , волк Палпатина; теневое существо, которое он создал с такой безжалостной, безжалостной решимостью, бродящий во Тьме, скрытый и охотящийся, дикий и жестокий.

Оно неразрывно пронизывало все, безграничная сила, ищущая землю, интенсивная и непреодолимая, вопящая о высвобождении, непреклонная в своей хватке, такая большая часть его, что местами сливалась с его сознанием, одновременно отвечая его воле и определяя его мысли. Но теперь, когда она думала увидеть вокруг и сквозь эту неповоротливую тьму, поискать эти звезды в глубокой ночи... были места, где не было никакой связи.

Где одно отделяется от другого, как масло на воде. Здесь, здесь, в самой сердцевине его осознания, навсегда скрытой и защищенной, вот была правда, и после жестокой, диссонирующей тьмы осознание этого затопило ее утешением; истинное понимание этой сломанной психики - потому что он не мог быть полностью созданием Тьмы; это было слишком против его естественного состояния. Что бы ни сделал Палпатин, это никогда не сделало бы его ситхом полностью; он заставил свет глубже, как Люк построил все больше стен, чтобы саван и замаскировать его, но он никогда бы не уничтожил его, само ядро этого существа, которое было слишком опутан, чтобы когда-нибудь вырваться из тени ... но слишком упрям отпустить свет. Оба существовали в нем, парадокс, каждый противостоял другому, и как он мог сдержать их обоих, так постоянно враждующих?

Он был чистым Светом и абсолютной Тьмой. Он был диким, своенравным, непоколебимой решимостью и проблесками сияющей нити надежды вокруг старых шрамов, настолько глубоких и травмирующих, что они никогда не заживут, раны пронзали все аспекты его существования. Воля, одновременно столь ведомая и сдерживаемая этим, что это была его величайшая сила и его самая глубокая слабость. Знание всего этого. Она хотела протянуть руку, но не знала как; понятия не имела, как использовать собственное знание Силы для установления контакта.

Она уже преодолела все свои прежние представления о Силе, и это вызвало унижительное осознание - и непреодолимое желание узнать больше. В этот момент она хотела узнать, что он о ней увидел. Затем еще одно открытие осознания, расширение, подобное падению с края галактики, слишком многое, чтобы начать постигать. Это расширило границы ее сознания, головокружительно, неизмеримо, открыв ее мысли в ярком раскрытии осознания, и она напряглась от неизбежного шока, некоторого сильного стихийного толчка, когда он пробил эту последнюю непреодолимую границу; холодный, твердый, неподвижный массив знаний, которые вложил в нее Палпатин, - о ее собственных пределах, о предполагаемой слабости, с которой он так долго держал Мару. Ничего подобного - совсем ничего.

Никакого чувства разрыва или разрыва, никакого громового взрывного взрыва. Они прошли, как ныряние в глубокую воду, плавно и естественно, без всякой борьбы. И она почувствовала ... теперь она вздрогнула, видение обрушилось на нее, как это падение в глубокую воду, полностью окутав ее, как никогда прежде, осознание и знание ударяют, как телесный удар, яростно интенсивные, первобытные и интуитивные, детали, впечатления и восприятия неизгладимо вписываются в ее сознание... .. Буря бушует против ночи, Двуличие и предательство... все меняется, все меняется, даже она сама. Ничто не могло остаться нетронутым. Пепельная луна обожгла кроваво-красную, Бинарные солнца затмеваются и исчезают в двойных кругах, вырезанных из золота, связанных, уравновешенных, взаимозависимых. Обширный круг возможностей запутался вокруг них и среди них, и все будущее восходит к этому; это одна судьба, это одно пророчество; Сын Солнц.

Мара вздрогнула от сухого крика, каждый мускул напрягся, каждый нерв был раздражен, так что, когда ее глаза расширились от шока, она оказалась в нескольких шагах от него, и он двинулся вперед, произнес ее имя, протянув руки. Она попятилась, прижав руку ко рту, в животе тяжело дыша, уверенная, что в этот момент ей будет плохо. Слишком; слишком обширный, оставляя в ней давнее, всепроникающее ощущение галактики, медленно вращающейся в бесконечности, фон скрежет, как кость о кость, она могла слышать это, чувствовать это. «Мара, послушай - послушай меня». Его руки были теперь на ее плечах, и она почувствовала, как он мысленно отводит удар, стабилизирует и поддерживает ее.

«Дыши - Мара, просто дыши. Все в порядке, его больше нет. Теперь его нет. Тебя нет». Она посмотрела на него, все возможные грани видения остались нетронутыми на переднем плане ее разума, прорезанные с кристальной ясностью, настолько острыми, что казалось, что это рассекло ее мысли до волоса, осознавая, что она говорит слишком быстро, спотыкаясь о ней. ее собственные слова, адреналин все еще горел в ее горле: «Я видел два солнца ... и луну, кроваво-красную луну. Я видел два переплетенных круга, выгравированных на золоте ... что-то написанное на них ... Не думаю, что я видел это раньше - " Люк нахмурился, и все еще погруженный в Силу, все еще связанный с ним на гораздо более глубоком уровне, чем когда-либо прежде, Мара так отчетливо ощутила его всплеск грубого разочарования, его глубокое беспокойство. "Какая?" «Престол Пророчества. Вы видели надпись на основании престола».

«Я не могла это прочитать», - сказала Мара. "Что он сказал?" Люк поджал губы: «Это не имеет значения. Ничего подобного». Пророчество все еще следовало за ним? По его венам текла

кровь, как всегда говорил Палпатин? Мара подтолкнула, не желая отпускать это, «Скажи мне, что там сказано?» Люк поднял руки, чтобы потереть ими глаза и снова в волосы, его раздражение нарастало. «Нет. Все кончено, это сделано. Престола больше нет, и пророчество с ним. Я не собираюсь быть ведомым им». «Может, он не пытается тебя вести.

Может, он пытается тебе помочь». "Помогите?" Негодование придало его голосу остроту, и Мара впервые осознала переломы и страхи, которые питали его. «В прошлый раз, когда я взошел на трон, я чуть не убил Натана! Это меня не диктует, оно не владеет мной. Я не раб этого или Палпатина». И она это тоже понимала; понял, насколько Палпатин повлиял на него; что он сделал для достижения такого уровня контроля.

Чувствовал темные завихрения разочарования, негодования и горечи, которые окрашивали его чувства в туманных остатках Силы, которые все еще цеплялись за нее. Поразился этому восприятию, этой связи. «Люк, твои способности ... это дар, а не проклятие. Ты ведь знаешь это, не так ли?» «Вы не понимаете». И что она могла сказать... это было правдой. Никто этого не сделал. Но она могла. «Научи меня», - сказала Мара.

«Научи меня всему». Она никогда не хотела этого, никогда раньше не просила об этом, всегда считая, что это было вне ее досягаемости; еще одно наследие Палпатина. Он обхватил себя руками, и хотя углубившаяся связь уже угасала, нежно, тонко сужаясь Люком, она все еще чувствовала его сопротивление с большей осознанностью, большим восприятием ее тонкостей, чем когда-либо прежде. Его уверенность в том, что просто существованием он выполняет величайшее стремление Палпатина; единственная, непрерывная линия наследственности ...

Его страх, что из-за этого он может ошибиться и каким-то образом причинить ей вред. Его нежелание передавать знания, которые он все еще чувствовал на каком-то уровне, было огорчением. Мара шагнула вперед, положив свою тонкую руку на его сложенную руку, веря в это теперь с большей убежденностью, чем когда-либо прежде. "Я доверяю тебе." «Доверия недостаточно, - прошептал он. «Эта сила может съесть тебя заживо». Чему он мог ее научить, кроме Тьмы? Мара заколебалась, наконец-то по-настоящему осознав причины его осторожности в отношении той связи, которую он поддерживал - или она удерживала его? Интенсивность осознания, глубокое осознание чего-то бесконечно огромного, например, дыхания вселенной... как легко такая далеко идущая ясность может отвлечь любого.

Зная то, что она знала теперь, она понимала, как он будет доведен до бессонного отвлечения, бродя по Дворцу глубокой ночью, чтобы спастись от него, неспособный уснуть, не услышав этого - почувствовав это. Каким интенсивным, должно быть, должны быть его собственные видения, поражающие в тишине ночи, волочащие и толкающие его вперед даже с долей ясности, которой она только что подвергалась. Если бы он действительно думал, что сможет остановить их, приказав разрушить трон, или это было актом полного отчаяния, как его действия в Тренировочной комнате были глухой ночью, сосредоточившись на этом единственном, сложном движении светового меча, доведенном до повторять это снова и снова, чтобы исправить кажущийся недостаток. Так полностью погрузившись в себя, он заглушил всепоглощающее чувство этой силы? Она не могла сказать - но она могла учиться, понимать, как никто другой.

Эта связь, это интенсивное общение и понимание, эта связь, которая слилась и объединилась, но оставила каждого отдельного, но осознающего на самом глубоком уровне ... как она могла отпустить это? Как она могла вернуться сейчас? «Она может съесть тебя живьем, эта сила». Мара покачала головой, полностью понимая, что он имел в виду, но абсолютно веря в него - потому что она видела его; увидела правду... и ей захотелось увидеть это снова, погрузиться в нее. «Вы никогда не позволите этому случиться». Тем не менее он не поднял глаз. «Это не

повод изучать это, Мара». «Разве это не прекрасная причина?

Чтобы понять, поделиться, помочь кому-то, кого вы...» Он быстро взглянул вверх, и она остановилась; «Никогда не говори этого» , - однажды спросил он ее; «Никогда не говори этого». Она наклонилась: «Подумай, обещаю тебе, что будешь рассматривать?» Он только раз кивнул, не поднимая глаз, и Мара знала, что сейчас лучше не торопиться. Она кивнула только один раз, прежде чем выйти из комнаты в тишине, ее рука провела по его руке, прежде чем она выпала. . Люк не повернулся, когда Мара ушла, уже сожалея о своем обещании, но не в состоянии отказаться от него. Если он это сделает, если он научит ее, это будет для нее; для нее одной - потому что она просила об этом у него. Это была достаточно веская причина? Слова отца снова прошептали в его мыслях; «Тьма не может любить.

Результаты будут катастрофическими и выйдут из-под вашего контроля». Его чувства к Маре заставляли его отрицать это в прошлом; чтобы попытаться бросить вызов этому... и его отец заплатил цену. Мог ли он иметь эту слабость - мог ли он позволить это, не разрушая его планы в пыль и не уничтожая все, что он стремился защитить... включая Мару? Если так, то почему, когда он закрыл глаза и потянулся к водовороту Силы, чтобы снова изучить воспоминания о взаимосвязанных кругах, образованных в Престоле Пророчества, он почувствовал, что смотрит на петлю, затягивающуюся на его шее? «Я не ты», - тихо прошептал он отцу в пустую комнату.

<http://tl.rulate.ru/book/50172/1288217>